

Раз князь позвал нас на свадьбу.
К Печорину подошла меньшая дочь хозяина
и пропела ему... вроде комплимента.

Стройны наши молодые джигиты, и кафтаны на них серебром выложены, а молодой русский офицер стройнее их, и галуны на нём золотые. Он как тополь между ними; только не расти, не цвести ему в нашем саду...

Из угла комнаты на Бэлу смотрели другие два глаза, неподвижные, огненные... Казбич! Верно, что-нибудь замышляет... Он, знаете, был не то, чтоб мирной, не то, чтоб немирной. Подозрений на него было много, хоть он ни в какой шалости не был замечен.

— Славная у тебя
лошадь, Казбич!

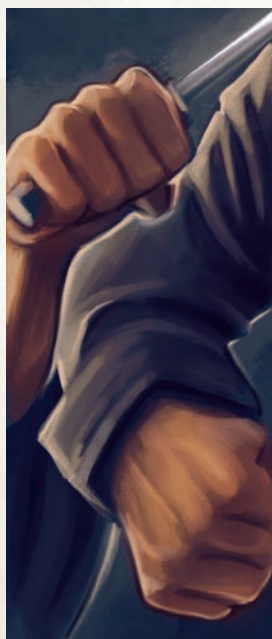
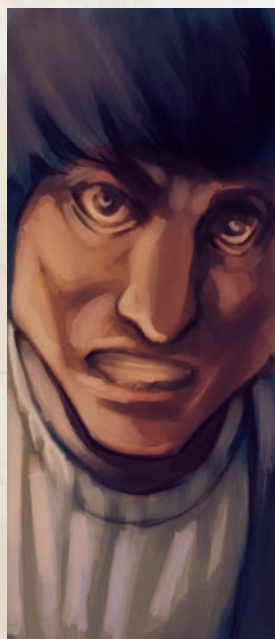
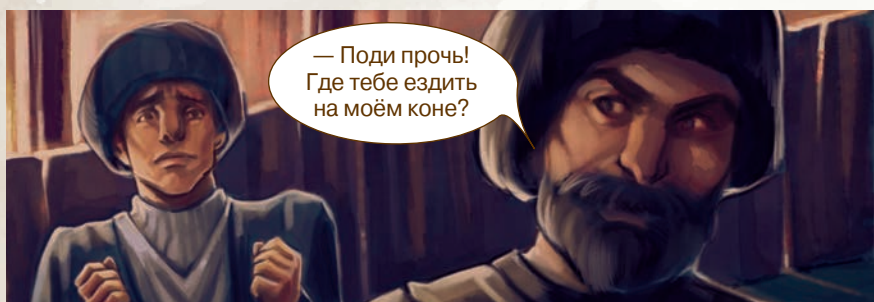
— Да... в целой
Кабарде
не найдёшь такой.

— Послушай! Хочешь,
я украду Бэлу — неужели
не стоит она твоего скакуна?

— Поди прочь!
Где тебе ездить
на моём коне?

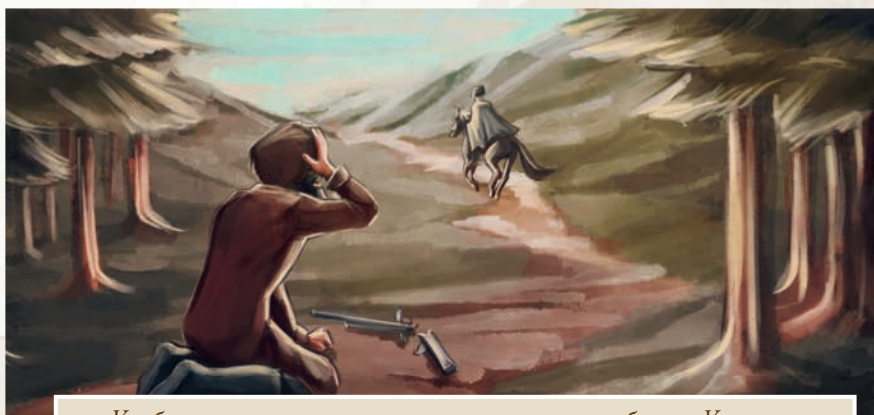

Никогда себе не прощу одного: чёрт меня дернул,
приехав в крепость, пересказать Григорью
Александровичу всё, что я слышал...

Вот они и сладили это дело...
по правде сказать, нехорошее дело!

Казбич повалился на землю и зарыдал, как ребенок. Кругом него собрался народ из крепости — он лежал себе ничком, как мёртвый. Поверите ли, он так пролежал до поздней ночи и целую ночь?

— Да когда она мне нравится?..

— Послушай, Григорий Александрович, признайся, что нехорошо.

Долго бился с нею Григорий Александрович... Мало-помалу она приучилась на него смотреть, но всё грустила.

— Моя пери... ты же знаешь, что должна быть моею.

— Ты видишь, как я тебя люблю...

— Пожалуйста... Не надо...

